

ВЕЧЕРНИЙ СВЕРДЛОВСК

Ш А Г И

«ГУЛЛИВЕРА»

СВОИ первые шаги Гулливер сделал... в лаптях. Не правда ли, такое утверждение выглядит более чем неправдоподобно? И все же это так. А для того, чтобы не было сомнений, нужно всего лишь слово Гулливер поставить в кавычки — «Гулливер». И тогда вы поймете, что речь идет об экспериментальном молодежном театре, афиши которого можно увидеть в эти дни на рекламных щитах нашего города.

Задуман этот театр был нынешним его главным режиссером Михаилом Хусидом, который учился в Ленинграде и там же познакомился с группой ребят, занимавшихся на отделении театра кукол. Опустим несколько вех их совместной биографии, и мы окажемся во Львовске — в кукольном театре, где Михаил Хусид работает над спектаклем «Божественная комедия» (И. Штока). Но там еще «Гулливера» не было. А были режиссер и художник Б. Понизовский, пробовавшие свои силы в несколько неожиданном для театра кукол жанре. Суть его они определяют тремя словами: актер, кукла, предмет. Заметьте: на первом месте — актер.

Для того, чтобы убедиться в том, что это определение жанра вполне справедливо, достаточно посмотреть два спектакля, которые «Гулливер» привез свердловчанам: «Левша» и «Петроградские воробы». Привез из Кургана, где, наконец, объединились режиссер, художник и группа актеров-энтузиастов из Ленинградского института, которые приехали в этот зауральский город создавать театр.

Свои гастроли они начинают спектаклем, с которого начинался сам театр...

...Сшитый из лоскутов занавес, напоминающий по форме фасадную сторону балаганного шатра. Звучит музыка, в такт которой движутся лапти, появившиеся из-под занавеса. А вот и хозяева этих легендарных обуток — ну, конечно же, это скоморохи, они играют на воображаемых балабайках, и вот: «Уважаемые земляки!», «молодые и старики!», «знатные и простые!», «женатые и холостые!». Представление начинается. Ох уж эти скоморохи! Чего только не вытворяют они! Поют и пляшут, кувырываются и, конечно же, кукалами забавляются... И, оказывается, все это не только интересно, весело, а нередко и грустно, грустно до острого щемящего чувства участия к чужой бе-

де. Да, это скоморохи. Кто еще, как не они, умели так вот лихо, задиристо, забавляясь и забавляя, вдруг привлечь зрителей к боли человеческой... Оказывается, к тому же и грустная эта история — о тульском Левше, сумевшем «аглицкую» блоху подковать!... Вот они, его мучители: царь да министры... Но что странно: куклы, кажется, живут несколько отдельной жизнью от играющих актеров. Вот кукла министра Кисельяроде — она лезбит перед царем. А что же скоморох, который держит министра-куклу? Да он, кажется, в это самое время издевается над остальными придворными!..

Да, так оно и есть. Актер играет второй, более глубинный план, нежели его кукла-персонаж. В этом как раз и заключается один из ряда приемов, которые, на наш взгляд, выделяют этот театр из хорошо знакомых и привычных.

Приемы эти определяют взаимоотношения актера, куклы и предмета.

В ряде сцен актеры вообще отказываются как будто бы от кукол и ведут откровенный драматический диалог (сцена Левши и Машки). Но и куклы, оставленные актерами, не исключаются из действия — их поза, их место на сцене тоже являются необходимыми компонентами происходящего перед зрителями.

А есть и такой прием — к примеру, в сцене избиения министров: быт кукол, а реакция избиаемых отыгрывают скоморохи, представляющие этих персонажей.

Совершенно в другом плане решен спектакль «Петроградские воробы». Жанр этого спектакля неожидан: «лирическая феерия». И надо сказать, что заявлен он вполне справедливо. Когда смотришь «Петроградских воробьев», возникает ощущение прикосновения к живой, трепетной душе, только-только начинающей приобщаться к этому миру, с его рассветной многообещающей теплотой, с его острыми

углами, с его невообразимостью и реальностью — щедрой, а нередко и жестокой. Весь спектакль строится как отражение реального мира в воображении, грезах, снах девочек-подростков. Отсюда — ненавязчивые, порой трудно уловимые связи между эпизодами, полное отсутствие дидактичности. Но за всей этой кажущейся сюжетной неопределенностью ощущается живая и трепетная атмосфера первых шагов маленького человека по этому миру, который так нуждается в уважении и понимании людском.

В данном спектакле театр, думается, пошел дальше, чем в «Левше». Здесь уже и актер, и кукла, и в особенности предмет составляют более плотную и действенную триаду, определяющую особенности принятого театром жанра.

Итак, первые шаги «Гулливера» сделаны. А впереди — перспективы, маршрут, «география» которого определяется такими названиями, как «Что тот солдат, что этот» Б. Брехта, «Как зажигаются звезды» — опера Баланча по мотивам Р. Бредбери, композиции по произведениям А. Толстого «Гадюка» и Б. Лавренева «Сорок первый».

А там, далеко впереди, виднеются пока еще трудно различимые, но маячащие: «Ревизор» Гоголя, «Сон в летнюю ночь» Шекспира, «Приключения Гулливера» Свифта...

...А, кстати, почему театр назван «Гулливером»?

— Гулливер Свифта создает в своем воображении и дает жизнь новым мирам и существам, фантастическим, сказочным, которые, однако, помогают людям глубже понять мир, который их окружает. Эти задачи лежат и в основе творческих устремлений нашего театра, — так ответил на этот вопрос главный режиссер «Гулливера». Театра, который делает первые, но вполне самостоятельные шаги в искусстве.

Э. ПОЛЕССКИЙ.